

УДК 343.13

Г. А. Павловец
доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД,
кандидат юридических наук (Беларусь)

А. С. Юргель
курсант факультета милиции Академии МВД (Беларусь)

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время среди ученых-процессуалистов не прекращаются споры о роли и значении стадии возбуждения уголовного дела в сфере уголовно-процессуальной деятельности. Теоретические взгляды на первоначальный этап уголовного процесса изменялись и совершенствовались по мере развития уголовно-процессуальной мысли, вместе с тем ученые так и не пришли к однозначному мнению ни о сущности данной стадии, ни о целесообразности ее существования как самостоятельного этапа уголовно-процессуальной деятельности.

Указанные вопросы подробно проанализированы в теории уголовного процесса. Так, Ф. Н. Фаткуллин и Н. В. Жогин в своих трудах обосновывали необходимость существования рассматриваемой стадии. Они полагали, что деятельность по возбуждению уголовного дела включает в себя все те действия и отношения, которые выражаются в принятии сообщения (заявления) о преступном факте, в проверке этого сообщения, в вынесении по нему процессуального решения и, наконец, в проверке законности и обоснованности принятого решения. Ученые выделили ряд признаков, которые в совокупности определяли стадию как самостоятельную [1, с. 34]. Схожей позиции придерживался и М. С. Строгович, который считал, что в стадии возбуждения уголовного дела возникают специфические процессуальные отношения, отличные от процессуальных отношений в стадии дознания и предварительного следствия [2, с. 10]. Он полагал, что возбуждение уголовного дела предшествует дознанию и предварительному следствию, а не является их начальным моментом.

Противоположный подход обосновывал Н. Н. Полянский и М. Л. Шифман. Первый считал, что сама стадия представляет собой решение и составление соответствующего постановления, а по сему не может выделяться как самостоятельная [1, с. 27]. М. Л. Шифман высказывался об этапе возбуждения уголовного дела как о «микростадии», не требующей самостоятельной регламентации [1, с. 28].

Однако суждение о том, что стадия возбуждения уголовного дела представляет собой лишь решение о вынесении соответствующего постановления, видится спорным, поскольку деятельность по возбуждению уголовного

дела не исчерпывается одним процессуальным актом, а охватывает также ряд других действий и отношений, подготавливающих возбуждение дела или направленных на проверку его законности и обоснованности (предупреждение об ответственности за заведомо ложный донос, проверка факта совершения преступления, уведомление о принятом решении и т. д.).

На современном этапе развития уголовно-процессуальной мысли научная дискуссия по вопросу о самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела ведется еще более активно. Ученые по-прежнему придерживаются двух позиций. Одни считают целесообразным сохранение стадии возбуждения уголовного дела, полагая, что в ходе ее осуществления создаются предпосылки для производства следственных и иных процессуальных действий, определяется механизм собирания доказательств и возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения, другие выступают за прекращение обособленного существования данного этапа и включение его в рамки предварительного расследования. Так, А. И. Швед, придерживаясь первой из приведенных позиций, полагает, что решение о возбуждении уголовного дела предшествует предварительному расследованию и для его принятия необходимо и достаточно установления наличия данных, указывающих на признаки конкретного преступления. Границей развития стадии ученый предлагает устанавливать момент или барьер, делающий невозможным применение мер процессуального принуждения без процессуального оформления решения о возбуждении уголовного дела [3, с. 24]. Ю. А. Цветков, напротив, утверждает, что законодатель расчленил субстанциональное единство предварительного следствия, выведя отдельные его части на стадию, предшествующую возбуждению уголовного дела, и дал им вполне самостоятельное существование [4, с. 18].

А. В. Ковалев, обосновывая необходимость отказа от стадии возбуждения уголовного дела, указывает, что на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности могут быть существенно нарушены права лица, пострадавшего от преступления, поскольку возможность продления срока проведения проверки по поступившему заявлению или сообщению до 6 месяцев (ст. 173 и 173³) оттягивает момент реализации конституционного права указанного лица на доступ к правосудию. Автор также указывает, что лицо, в отношении которого столь длительный период проводится доследственная проверка, свободно в действиях и передвижении, что предоставляет ему реальную возможность скрыть следы преступления, совершить противоправные действия или оказать психологическое воздействие на лицо, пострадавшее от преступления, что нивелирует институт уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние [5, с. 236].

П. В. Мытник, задаваясь вопросом о целесообразности ликвидации стадии, справедливо отмечает, что вместе с отменой рассматриваемого этапа уголовного процесса станет возможным проведение любых следственных и процессуальных действий после получения заявления или сообщения о преступлении, а участники уголовного процесса, имеющие неопределенный статус на стадии возбуждения уголовного дела, — очевидец, заявитель, постра-

давший — трансформируются в свидетелей, потерпевших, статус которых достаточно подробно прописан в соответствующих статьях УПК [6, с. 257].

Следует отметить, что динамика совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства в последние годы (постепенное расширение перечня следственных и процессуальных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 173 УПК), нормативное закрепление возможности соединения и выделения заявлений и сообщений о преступлении и материалов проверки по ним (ст. 173-1 УПК), приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173-3 УПК) и др.) свидетельствует о расширении процессуальных полномочий органов уголовного преследования на этапе возбуждения уголовного дела, а следовательно, фактически минимизирует отличия в содержании стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Указанная законодательная тенденция становится еще одним аргументом в пользу возможности ликвидации стадии возбуждения уголовного дела.

Подводя итог рассмотренным позициям, представляется возможным сделать вывод о том, что необходимость реформирования начального этапа уголовно-процессуальной деятельности в отечественной правовой системе действительно назрела. Многие страны постсоветского пространства уже решили для себя указанный вопрос, упразднив стадию возбуждения уголовного дела (Молдова — 2003 год, Грузия — 2010 год, Украина — 2012 год, Казахстан — 2014 год) [5, с. 236]. Активное обсуждение проблемы ликвидации стадии ведется и в Российской Федерации. Вместе с тем принятие решения об отказе от упомянутой стадии, равно как и о ее существенном реформировании, повлечет изменение действующей концепции белорусского уголовно-процессуального законодательства. В этой связи представляется, что поиск решения описанных теоретико-правовых проблем необходимо осуществлять в контексте комплексного исследования имеющихся научных разработок и практики работы органов, ведущих уголовный процесс.

Список основных источников

1. Барабаш, А. С. Возбуждение уголовного дела : учебно-метод. материалы / А. С. Барабаш. — Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2000. — 259 с.
2. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. — М. : Наука, 1970. — Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. — 616 с.
3. Швед, А. И. Актуальные тенденции развития стадии возбуждения уголовного дела / А. И. Швед // Юстыцыя Беларусі. — 2015. — № 16. — С. 21–24.
4. Цветков, Ю. А. «Улыбка без кота» или что останется от предварительного следствия? / Ю. А. Цветков // Уголовное судопроизводство. — 2016. — № 2. — С. 18–23.
5. Ковалев, А. В. Стадия возбуждения уголовного дела в современных условиях. / А. В. Ковалев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Яскевич (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2018.

6. Мытник, П. В. Стадия возбуждения уголовного дела: PRO ET CONTRA / П. В. Мытник // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. / Акад. МВД ; редкол.: А. В. Яскевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018.

УДК 343

Л. Н. Попова
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Самарского юридического института ФСИИ России

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВОПРОСОВ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

При производстве предварительного расследования в некоторых случаях у дознавателя, следователя может возникнуть необходимость применения в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения. Меры пресечения можно определить как процессуальные средства ограничения личной свободы обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого, применяемые для предотвращения возможных процессуальных нарушений с их стороны, а также для обеспечения исполнения приговора [1, с. 275].

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) существуют меры пресечения, избираемые только судом по ходатайству дознавателя, следователя. К таким мерам пресечения относятся: залог (ст. 106 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ), заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ) [2].

Рассмотрим причину избрания этих мер пресечения именно судом. По нашему мнению, такая ситуация складывается из-за ограничения конституционного права подозреваемого или обвиняемого при избрании этих мер пресечения. А именно в случае избрания меры пресечения в виде залога (ст. 106 УПК РФ) [2] подозреваемый или обвиняемый обязуется внести недвижимое и движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в орган, в производстве которого находится уголовное дело, либо в суд.

Избирая данную меру пресечения, подозреваемый или обвиняемый ограничивается на время исполнения залога в конституционном праве, указанном в ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации, — пользование и распоряжение частной собственностью [2].

В соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемый или обвиняемый обязуется: 1) не выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает; 2) не общать-